

Он всё ещё чувствовал себя немного растерянным, когда «большой монстр» объяснял ему основы, но очень старался сделать всё как надо и запустить красивый «блинчик» по воде.

Это была вещь, которой его научил большой монстр, поэтому он обязан был как следует выучиться.

В итоге Лу Сяоци, который изначально собирался лишь приободрить малыша, вскоре обнаружил, что его панда-комочек до безумия увлёкся пусканием блинчиков.

Запуск блинчиков в исполнении панды-комочка вызывал сплошные курьёзы: несколько раз он чуть не заваливался в воду вместе с камнем, который не хотел лететь.

Если бы не молниеносная реакция Лу Сяоци, который успевал подхватить малыша и вернуть на берег, тот давно бы уже превратился в мокрый комок. Видя, что кроха все свои силы отдаёт этому занятию, Лу Сяоци, качая головой, брался за инструменты, продолжая сборку и не спуская глаз с движений малыша.

Заметив, что кроха упрямо выбирает камни такого же размера, как и те, что использовал он сам, Лу Сяоци почувствовал одновременно и забаву, и беспомощность.

Панда-комочек кружил по берегу, перебирая лапками камни, выкладывал их в ряд и внимательно сравнивал размеры.

Мо Гуньгунь потрогал самый левый камень: этот по цвету очень похож на тот, что у большого монстра, но форма совсем не та.

Затем коснулся второго: этот по размеру почти подходит, но цвет подкачал.

Потрогал третий...

Сравнивая камни, панда-комочек выглядел точно как покупатель на рынке, перебирающий товары, — его серьёзный вид вызывал невольную улыбку.

Даже Лу Сяоци, который хотел было дать совет, не удержался и с интересом наблюдал за ним со стороны.

В конце концов, выбрав второй камень, Мо Гуньгунь после долгих колебаний метнул его, а сам по инерции вслед за ним кубарем полетел в воду.

Лу Сяоци: «.....»

Подняв малыша и поставив его на берег, Лу Сяоци вздохнул.

Он подобрал камень поменьше и положил перед крохой: Попробуй этот.

Мо Гуньгунь озадаченно поднял голову.

Лу Сяоци специально бросил маленький камень так, что тот весело запрыгал по воде.

Мо Гуньгунь пришёл в восторг: М-м! М-м-м!

Получив порцию восхищения от панды-комочка, Лу Сяоци: «.....»

На этот раз Мо Гуньгунь послушно подобрал маленький камень, запустил его, и тот сделал второй прыжок. Малыш радостно заверещал.

Получилось!

Он наконец-то смог, пусть и не так хорошо, как большой монстр!

Он покрутился на месте, подбежал к ноге большого монстра и, обняв её, плюхнулся рядом: М-м, м-м.

Лу Сяоци похлопал его: Молодец.

Мо Гуньгунь был невероятно воодушевлён. Он размахивал лапками, словно поставил перед собой цель всей жизни.

Предки, прятавшиеся в кулоне, лишились дара речи.

У-второй икнул: Маленький потомок, нам всё ещё нужно тебя утешать?

У-первый холодно повёл взглядом: Как думаешь?

У-второй с грустью вздохнул: Очевидно, что по сравнению с нами, старыми пнями, маленький потомок предпочитает эту уродливую штуку.

У-первый промолчал, но не удержался от вздоха.

Дедушка Ай, услышав их, снова вскипел: Вы двое, никчёмные, а ну быстро за тренировки!

Человеку даже говорить не нужно, чтобы исцелить печаль маленького потомка.

А эти два светлячка только и умеют, что наблюдать.

Зачем они вообще нужны!

Дедушка Ай: А ну быстро учить руководство по воспитанию детёнышей!

— Слушаемся, предки, — два светлячка, У-первый и У-второй, прижались друг к другу, дрожа от страха.

Мо Гуньгунь не знал, что происходило в кулоне.

Он что-то радостно пищал большому монстру.

Лу Сяоци терпеливо отвечал ему, но со временем, или, точнее сказать... по мере движения солнца, адмирал обнаружил, что понимает всё меньше и меньше.

Когда последние лучи солнца скрылись за горизонтом, писк Мо Гуньгуни стал самым обычным пандовым кряхтением.

В голове Лу Сяоци больше не звучал детский голосок.

Он перестал его понимать, хотя малыш всё так же возбуждённо что-то ему щебетал. Лу Сяоци невольно почувствовал лёгкое раздражение.

Мо Гуньгунь как раз рассказывал о своей любви к золотому гнёздышку, но заметил, что большой монстр словно витает в облаках.

Большой монстр задумался, он что, больше не хочет с ним разговаривать?

Мо Гуньгунь с тревогой издал пару звуков.

Лу Сяоци легонько похлопал малыша, сохраняя невозмутимый вид, чтобы скрыть бурю в душе.

Лу Сяоци: Я пойду приготовлю ужин, а ты пока поиграй.

Мо Гуньгунь энергично закивал, совершенно не заметив перемены в настроении большого монстра.

Он засеменял следом за ним, задрал маленькую голову, и с ожиданием пропищал: Большой монстр, хочу печёных бамбуковых побегов.

Лу Сяоци замер: О чём это кроха?

— Если печёные побеги, то можно поесть в золотом гнёздышке? — детский голосок за спиной звучал как у маленького прилипалы.

Лу «Большой монстр» Сяоци окаменел — он совершенно ничего не понимал.

Кроха маленькими шажками, виляя попкой, подбежал к золотому гнёздышку, выкопал два побега и посмотрел на него влажными глазами.

Лу Сяоци опешил.

Мо Гуньгунь открыл пушистый ротик: М-м, м-м-м.

Лу Сяоци: «.....»

Впервые господин адмирал оказался в такой затруднительной ситуации.

Мо Гуньгунь продолжал что-то увлечённо рассказывать мягким детским лепетом. Он был так воодушевлён, что даже подёргивал ушами, а вся панда сияла от радости.

Мо Гуньгунь посмотрел на большого монстра, склонил голову набок и озадаченно моргнул.

Почему большой монстр его не погладил?

Может, его предложение показалось слишком капризным? Мо Гуньгунь призадумался, чувствуя тревогу из-за отсутствия реакции.

Он осторожно потянул за рукав Лу Сяоци, его глазки блестели, и он протянул два слегка очищенных побега. Намерение было очевиднее некуда.

Лу Сяоци вдруг осенило, он всё понял.

Напряжение на его лице немного спало, он тайком выдохнул и погладил малыша по голове: Хочешь печёных побегов?

Глаза Мо Гуньгуна вспыхнули: М-м!

На лице Лу Сяоци промелькнула улыбка: Хорошо.

Меньше слов — меньше ошибок, решил Лу Сяоци и приготовил для малыша побольше еды.

Увидев, что большой монстр согласился, Мо Гуньгунь радостно уселся ему на подъём стопы, крепко обхватив щиколотку лапками.

Лу Сяоци уже привык к таким проявлениям нежности и не только не чувствовал дискомфорта, но даже наслаждался этим теплом.

Если бы малыш не был нечеловеческим существом, да ещё и не спас его, Лу Сяоци не был бы уверен, что относился бы к нему так же по-особенному.

Съев с десятков печёных побегов от адмирала Лу, Мо Гуньгунь остался доволен.

Он похлопал себя по пухлому животу и нежно пропищал что-то большому монстру.

Раньше Мо Гуньгунь жил один и редко подавал голос, но с тех пор, как стал соседом большого монстра, он стал намного активнее. Узнав, что тот его понимает, он больше не мог сдерживать болтливую панду, живущую внутри.

Он выкопал красный шарик, прижал его к груди и, задрав круглую мордочку, принялся о чём-то без умолку лепетать.

Лу Сяоци: «.....»

Лу Сяоци изо всех сил старался сохранять невозмутимость, поглаживая малыша и время от времени кивая, показывая, что слушает.

Хотя он ничего не понимал, адмирал держался весьма достойно, по крайней мере, панда-комочек ничего не заподозрил.

Мо Гуньгунь звонко пропищал: Большой монстр, моё прежнее гнёздышко тоже было очень хорошим.

Лу Сяоци не понял ни слова.

Лу Сяоци решил, что в такие моменты достаточно просто улыбаться.

Поворковав некоторое время, Мо Гуньгунь утомился. Он короткими ножками дошёл до берега маленького озера и принялся пить.

От прикосновения его маленького носа по воде расходились круги.

Когда панда-комочек пил, он задира хвостик, и на кончике торчал пучок шерсти.

Выглядело это очень мило.

Взгляд Лу Сяоци смягчился. Его совсем не раздражало, что малыш без умолку болтает у него под ухом, — если бы так было всегда, это было бы даже забавно.

Только вот он не знал, в чём заключается способность малыша... Взгляд Лу Сяоци помрачнел.

Мо Гуньгунь раньше не осмеливался приближаться к костру, а теперь уже не так сильно боялся. Но всё же он предпочитал сидеть в объятиях большого монстра, грызя яблоко. Наевшись, он забрался на колени к большому монстру и обмяк, превратившись в мягкую пушистую «пандовую лепёшку».

Четыре короткие лапки были вытянуты, маленький хвостик слегка приподнят, а розовые подушечки на задних лапах смотрели вверх.

Вид у него был немного похож на маленькую черепашку.

Мо Гуньгунь с удовольствием зевнул, от всей его панды веяло избалованностью. Он лизнул нос и не удержался, чтобы не потереться о ногу большого монстра.

От большого монстра теперь пахло ими обоими, что приносило Мо Гуньгуню огромное успокоение и комфорт.

Жужжание. В тишине ночи слышался едва уловимый звук взмахов крыльев.

Издадека, отовсюду.

Отовсюду сразу.

Мо Гуньгунь повёл ушами. Что это за звук?

Повеяло зловещим ветром, весь лес погрузился в странную тишину, смолкли птицы и насекомые.

Туман сгустился, распространяя тяжёлый дух смерти.

Ветер завывал, как призраки, а из земли начали пробиваться чёрные испарения с пузырями плесени.

У-ху-ху-ху — у-ху-ху —

Мо Гуньгунь уставился на чёрные пузыри, остолбенев от ужаса.

Чёрный туман поднимался в трёх метрах от Лу Сяоци, и только их маленький пяточок земли оставался нетронутым.

Мо Гуньгунь так испугался, что его шерсть встала дыбом.

Мо Гуньгунь: «М-м-м-м!» Большой монстр! Это монстры пришли, монстры, монстры!

В его глазах читался ужас, он дёргал большого монстра и отчаянно пищал.

Лу Сяоци: «.....»

Когда понимаешь — это приятно, когда перестаёшь — чувствуешь бессилие.

Он абсолютно ничего не понимал.

Кроха, тише, он старался прислушаться. Лу Сяоци чувствовал себя беспомощным.

Однако, зная малыша, он понимал, что тот так паникует только при встрече с чем-то

подобным. Лу Сяоци невозмутимо огляделся по сторонам, но в ночной тьме информации, которую он мог получить из глаз малыша, было слишком мало.

Глаза Мо Гуньгуня расширились, он с недоверием оглядывался: «М-м-м-м-м!»

Такой серии звуков раньше не было, и Лу Сяоци стал серьёзен.

Он заметил, куда смотрит малыш, и невольно содрогнулся.

Неужели они такие огромные?

Лу Сяоци размышлял, не зная, что Мо Гуньгунь был в ужасе не от того, что монстр один, а от того, что их целая густая стая.

Пчёлы.

Чёрная пелена закрыла даже лунный свет, небо стало тёмным и мрачным.

Мо Гуньгунь: «М-м».

Большой монстр, это пчёлы! Очень много пчёл!

Дрожа, он моргнул и решил спрятаться в одежде большого монстра.

Лу Сяоци: «.....» Малыш отлично оценивает обстановку.

Мо Гуньгунь высунул лапку: «М-м-м-м».

Лу Сяоци: «.....» О чём он?

Мо Гуньгунь не знал, что творилось на душе у большого монстра, но, видя его спокойствие, прижался к его груди.

Там, где большой монстр, он чувствовал себя в безопасности.

Большой монстр не нервничает, значит, и он, он, он постарается не бояться.

Пчёлы собрались в длинный чёрный меч, от которого исходила леденящая жажда убийства и бушующая ненависть.

Мо Гуньгунь поднял голову.

Внезапно роящиеся пчёлы расступились, и вылетела пчела ростом с полчеловека. Её глаза были кроваво-красными, полными ярости.

Мо Гуньгунь озадачился, она казалась знакомой.

Пчела с жужжанием опустилась, стряхнула с рук птичьего перья, испачканные кровью. Глаза её были полны злобы, но голос прозвучал мягко: Я пришла.

Мо Гуньгунь вздрогнул, этот голос тоже был знаком.

Пчела тихо рассмеялась, от чего веяло холодом: Я пришла за вашими жизнями.

Зрачки Мо Гуньгуня сузились, он пропищал: Кто ты...

У них нет вражды, почему она хочет их убить?

Королева пчёл, казалось, была готова разорвать их на части: Мой рой был уничтожен! Если бы вы тогда вмешались, мои милые дети не погибли бы! — Королева пчёл протянула руку и подняла птицу, с которой почти содрали перья и которая истекала кровью: — Смотрите, те, кто хотел съесть нас, теперь сами мертвы. Они заслужили смерть. Мой рой был так невинен, но эти алчные твари не оставили их в покое! Теперь они мертвы!

Мо Гуньгунь тупо смотрел на это, для него это было шоком.

Королева пчёл рассмеялась, её тон был лихорадочным и маниакальным: Ты прав, выживает сильнейший. Теперь я сильнее, и могу творить что хочу, могу безнаказанно убивать. Они заслужили смерть! Если бы не вы, мой рой не был бы уничтожен, и я бы этого не поняла. А теперь...

Мо Гуньгуню стало страшно.

Королева пчёл: Теперь ваша очередь.

На землю посыпались трупы птиц с содранной кожей и сломанными крыльями. Зрачки Лу Сяоци стали ещё темнее.

Он не видел того, что скрывалось в чёрном тумане, но то, что падало в трёх метрах от него, видел отчётливо. Как, например, эти птичьи трупы.

Мо Гуньгунь прижался к большому монстру: «М-м».

Королева пчёл расхохоталась: Не волнуйтесь, я сделаю вашу смерть незабываемой. Хотя я должна поблагодарить вас, вы сделали мой рой бессмертным!

Королева пчёл перестала смеяться, её голос наполнился ненавистью: Убить их! Мои милые дети!

Жу-жу-жу —

Налетела чёрная туча пчёл. Они уже были мертвы, поэтому не боялись повреждений и бросились в атаку, не щадя себя.

Мо Гуньгунь вцепился в большого монстра: «М-м-м-м!»

Большой монстр, что нам делать?

Мо Гуньгунь помнил, как мама когда-то разламывала улей, чтобы поесть мёда, и была окружена пчёлами долгое время.

И ничего не случилось.

Но перед лицом стаи мёртвых, ужасных пчёл Мо Гуньгунь растерялся.

Лу Сяоци хлопнул малыша. Именно в этот момент он, кажется, увидел то, что видел кроха, и его лицо помрачнело.

Увидев всё, адмирал почувствовал облегчение и небрежно взмахнул рукой, раздувая пламя.

Те пчёлы, что лезли напролом, превратились в чёрный туман и рассеялись.

Глаза Лу Сяоци блеснули: очевидно, это работает.

Мо Гуньгунь, увидев, как легко большой монстр нашёл способ решения проблемы, смотрел на него с обожанием.

Королева пчёл, уверенная в победе, не ожидала, что первая волна будет так легко отбита, и пришла в ярость.

Королева пчёл издала пронзительный вопль: Схватить эту панду!!

Даже У-первый и У-второй, готовые было вмешаться, остолбенели.

Сам Лу Сяоци был слегка ошарашен.

Не знающая правды королева пчёл была напугана, но ненависть в её сердце уже нельзя было утолить убийством птиц.

Её рой был уничтожен. Даже если она знала, что бессильна, что проблема была в самой её расе, перекалывание вины — инстинкт всех существ. Если бы эти двое не стояли в стороне, её рой не был бы съеден птицами, улей не был бы разрушен, а её последние дети не погибли бы без следа.

Поэтому, убив птиц, королева пчёл возненавидела Мо Гуньгуна и Лу Сяоци, сделав их своими главными врагами.

Её рой исчез, наследие обратилось в прах.

Что ей теперь терять?

Она заставит этих двоих заплатить жизнью!

В руках Лу Сяоци была деревянная палка, кончик которой горел бледно-жёлтым пламенем, он яростно размахивал ею.

Искры разлетались по ветру, поджигая пчёл.

После жужжания те, кого касалось пламя, превращались в чёрный дым и сгорали дотла.

Мо Гуньгунь видел всё отчётливо, высунув маленькую голову и два круглых ушка: «М-м, м-м!»

Лу Сяоци стоял прямо, с могучим и непоколебимым видом.

Как бы пчёлы ни жужжали, он стоял твёрдо, словно гора. Одно движение руки — и стая пчёл вспыхивала.

Пчёлы были слишком слабы, они не могли приблизиться. Почти все, кто подлетал к Лу Сяоци ближе чем на три метра, самовозгорались.

Однако призраки пчёл были в дурмане, их жизни полностью принадлежали королеве. По её приказу они лезли вперёд, даже если это означало полное уничтожение души, не задумываясь о конце. Точно так же, как при жизни: если потревожить улей, они не успокоятся, пока не

ужалят захватчика до смерти.

Одна пчела слаба, но тысячи заставляли кожу идти мурашками.

Чёрная масса наступала, трёхметровая зона безопасности постепенно сужалась. Среди них были бесчисленные пчёлы, совершавшие самоубийственные атаки.

Королева пчёл визжала неподалёку.

Безумные пчёлы, словно наевшись стимуляторов, становились всё свирепее, их тела трещали, а чёрные глаза наливались зловещим красным цветом. Они зажгли небо, которое вдалеке казалось кроваво-красным морем.

Мо Гуньгунь не мог подобрать слов.

В ночи Лу Сяоци наконец увидел врага глазами малыша.

Лу Сяоци: «.....»

Внезапно он увидел королеву пчёл, и его зрачки сузились.

Поднялся зловещий вихрь, разметающий костёр, который мерцал под натиском бесчисленных самоубийственных пчёл.

Мо Гуньгунь: «М-м!»

Небо и земля были скрыты пылью, в бескрайнем вихре скрывались красные глаза пчёл, листья лесов срывались и уносились ввысь, кружась и издавая жалобный вой. Ветки скрипели, не в силах сопротивляться, и неизвестно было, когда они сломаются.

В маленьких ушках Мо Гуньгуна стоял лишь гул пчёл и вой ветра.

Он крепко вцепился в воротник большого монстра, впившись когтями в ткань, боясь, что его унесёт яростным ветром.

Опасения Мо Гуньгуна были не безосновательны: даже Лу Сяоци приходилось использовать хвост, чтобы сохранять равновесие.

По сравнению с межзвёздным пространством, Лу Сяоци не считал эти условия суровыми. Но он боялся, что малыш не выдержит, поэтому одной рукой защищал кроху, а другой вонзился в ствол дерева, твёрдо стоя на ногах. Если бы дело было только в ветре и дожде, это было бы терпимо.

Но эти пчёлы несли в себе злобу. От постоянного контакта с ними янская энергия Лу Сяоци блокировалась, и он, естественно, чувствовал себя нехорошо.

Вдруг та самая пчела закричала, и луна на небе стала красной, как кровь.

Пчёлы, которые до этого были равны по силе или даже слабее, вдруг стали сильнее.

У Лу Сяоци был опыт борьбы с душами межзвёздных зергов, поэтому он не паниковал, спокойно отмахиваясь хвостом от пчёл. Их было неисчислимое множество, и они были такими мелкими, что это доставляло Лу Сяоци немало хлопот.

Пчёлы использовали свою величайшую силу. Лу Сяоци отбивался хвостом, но отступил на два шага, его зрачки сжались. Пчелиный строй мог быть твёрдым, как сталь, единым целым, а мог в любой момент превратиться в тысячи острейших жал.

От них было невозможно защититься.

Лу Сяоци провёл в боях много лет, его боевой инстинкт был острым. Но он не видел врага и теперь не решался выпустить малыша.

Для него ситуация была крайне тяжёлой.

Мо Гуныгунь, укутанный в широкую тёплую ладонь, тревожно пищал.

<http://bllate.org/book/21220/2147346>